

К. ОРГЕИАНИ

Антимилитаризм

Введение

Антимилитаризм является одним из тех вопросов, по которому достигнуто полное единодушие среди анархистов, и в следующих немногих страницах мы постараемся изложить общее среднее мнение, распространенное среди них по этому вопросу. Ввиду такого единства взглядов мы не считали нужным подробно развивать тезисы, выставленные ниже, в особенности мы не считали нужным в данном случае изложение истории этого вопроса, так как она для всякого знакомого с делом в высшей степени ясна. <...>

Всеобщая стачка, противогосударственность, противорелигиозность, коммунизм, непосредственное действие, антимилитаризм являются вопросами, по которым давно достигнуто единство, и среди анархистов они не возбуждают более принципиальных споров в смысле их признания или непризнания; они давно признаны; если все еще спорят, то спор теперь идет исключительно о способах осуществления этих принципов. Из всех вышеуказанных вопросов антимилитаризм есть тот вопрос, по которому единодушие было достигнуто раньше других. Со времени Бакунина анархисты ведут антимилитаристскую пропаганду и деятельность, и деятельность эта выражается не в неопределенном пацифизме, как в интересах корыстной политики сознательно ложно утверждает Берт, а в сознательной, холодно продуманной борьбе против милитаристических учреждений буржуазии, так как учреждения эти рассматриваются анархистами, как принудительные учреждения, направленные против пролетариата, как атрибуты государства, созданные режимом

частной собственности и служащие его опорой.* Для подтверждения вышесказанного мы сошлемся на Эрве, — это тем более предпочтительно, что Эрве не анархист. В одной сравнительно недавней статье Эрве так характеризует историческую роль и современную позицию анархистов в антимилитаристской пропаганде и деятельности в международном социалистическом движении с 1889 г.: «С 1889 г. голландская секция Интернационала, через посредство Домела-Ньювенгейс, поставила ясно и определенно вопрос о том, как должны вести себя социалисты в случае войны и предложила социалистам всех стран ответить на объявление войны всеобщей стачкой. Попытка оказалась преждевременной.

Германская социал-демократия почти единогласно отклонила, через Либкнехта, это предложение, заявляя, что единственное средство помешать войнам — фатальным при капиталистическом режиме, — это организация социализма. Это было отклонение, отказ теперь же в капиталистическом режиме, употреблять революционные средства, чтобы помешать войне.

Две тенденции первого Интернационала, которые воплощались в лице Маркса и Бакунина, вновь появились во втором Интернационале, на этот раз воплотившиеся в лице Либкнехта и Домела-Ньювенгейс.

В 1896 г. на лондонском конгрессе они столкнулись между собою: анархисты были исключены; освободившись таким образом от наиболее революционных элементов, Интернационал все больше и больше эволюционировал в сторону захвата, путем легальных избирательных средств, политической власти, под влиянием германской социал-демократии, ограничивая свой антимилитаризм, в особенности в Германии, отказом голосовать за военный бюджет.

Но анархисты, именно во Франции, сохранили за антимилитаризмом его *определенно революционный характер*: их газеты *La Révolte*, *Les Temps Nouveaux*, *Le Père Peinard*, *Le Libertaire*, и теоретики не переставали, с 1894 г.** *по настоящее время*, с жаром нападать не только на милитаризм, но и на чувство патриотизма.

---

* Бакунин цитируется дальше, а примером того, как смотрели друзья Бакунина на милитаризм, может служить статья Швицгебеля: *Guerre et la paix*. См. его книгу: *Quelques ecrits* p. 43. См. также «Речи бунтовщика» Крапоткина, статью о войне.

** Это не совсем точно. Эрве говорит: с 1894 г. по настоящее время нужно было сказать: с Интернационала по настоящее время, иначе и упоминание

Затем, проникая в синдикаты, они старались вырвать их из-под влияния, как они выражаются, «социалистов-политиканов».

Анархист-коммунист Пеллутье был истинным основателем Конфедерации Труда, какой она существует и теперь во Франции. Известно, что Конфедерация Труда объединяет значительное большинство французских синдикатов.

Другой анархист-коммунист Жорж Ивто, друг Пеллутье и его заместитель, как главный секретарь федерации французских Бирж труда, выдвинул в Конфедерации вопрос антимилитаризма; его «Солдатская Памятка», изданная от имени Федерации Бирж Труда, благодаря неосторожным судебным преследованиям, в течение нескольких лет была выпущена в количестве нескольких сот тысяч экземпляров. На амьенском конгрессе 1906 года Конфедерация Труда официально признала антимилитаристскую и антипатриотическую доктрину»*.

Прибавим к этому, что в 1904–1905 гг. тем же Ньювенгейсом был основан международный союз антимилитаристов¹, который следовал и следует нижеизлагаемым принципам классового агрессивного антимилитаризма. В этом же духе были приняты резолюции Римским конгрессом итальянских анархистов² и международным анархическим съездом в Амстердаме³. Вот эти резолюции:

1. Резолюция Римского съезда:

«Анархический итальянский конгресс, выслушав доклад римской группы “Costantino Qualieri” об антимилитаризме: считая отцом так называемого эрвейского антимилитаризма⁴ бакунинский интернационал, — заявляет, что под антимилитаризмом, по понятиям анархистов, подразумевается только антимилитаризм, основанный на антиавторитарном и антипатриотическом принципах; предлагает товарищам усилить, специально для молодежи, пропаганду в упомянутом смысле, распространяя

о газете «La Révolte» не имеет смысла, так как «La Révolte» была основана в 1889 г., а ей предшествовала газета «Le Révolté». «Le Révolté», «La Révolte», «Les Temps Nouveaux» — это все одна и та же газета, которая меняла лишь название вследствие преследований, но направление ее было все то же, что теперь. Эта газета связывает современный анархизм неразрывно с «Юрской федерацией». В первом своем виде, т. е. в виде «Le Révolté» она была органом Юрцев. — К. О.

* Les documents du Progres. Juillet 1908.

идею стачки рекрутов и всеобщей стачки (кроме стачки рекрутов), в случае объявления войны в воюющих странах. Это будет возможно только в том случае, если антимилитаристская пропаганда будет иметь международный характер, поэтому конгресс поощряет образование секции антимилитаристского интернационала, основанного на инициативе товарища Домелы Ньюенгейса. Что касается тактических приемов, группы и индивиды должны автономно выбирать между различными способами борьбы, в зависимости от своих собственных сил и темперамента; для обсуждения этих методов борьбы товарищи, согласные с данной резолюцией, собираются на отдельном заседании».

2. Резолюция Амстердамского международного анархического съезда:

«Анархисты, желая полного освобождения человечества и полной свободы индивидов, являются естественно заявленными врагами всякой вооруженной силы в руках государства: армии, жандармерии, полиции, судебной власти. Они приглашают своих товарищей, смотря по обстоятельствам и темпераменту, содействовать всеми средствами личному возмущению, отказу от воинской службы, изолированному или коллективному, пассивному или активному неповиновению и военной стачке путем радикального разрушения орудий господства. Они выражают надежду, что заинтересованные народы на всякое объявление войны будут отвечать восстанием, — они надеются также, что анархисты подадут пример». <...>

Остановимся пока тут. Даже эти немногие соображения показывают, что анархизм и в этом, как во многих других отношениях, является вдохновителем современного революционного синдикализма.

I

Между имущими и неимущими происходит постоянная борьба; борьба эта фатальна и неизбежна, она связана с существованием деления общества на классы и может прекратиться только с исчезновением классов. Для угнетенных классов эта борьба — вопрос жизни и смерти, тогда как застой и социальный покой, к которым стремятся господствующие классы, — смерть и разложение. Класс борется против класса и каждый из борющихся классов употребляет в этой борьбе то оружие, каким он

располагает. Господствующие классы, кроме имущественной привилегии и привилегии знания, владеют еще привилегией насилия, как необходимой гарантией их вообще привилегированного положения. <...>

Как в повседневной борьбе, так и в борьбе с революционными целями, класс эксплуатирующий ведет грубую физическую борьбу против эксплуатируемого класса, но не прямо, а косвенно через посредство армии, главным образом состоящей из тех же эксплуатируемых, которым господствующий класс предварительно извратил сознание. Армия — великая консервативная сила, опора установленного порядка вещей, помеха всяким новшествам и переворотам; она — олицетворение всего того, что есть холодно жестокого в государстве, изуверства и жестокости в палаче, несправедливости и беззакония в судьях. Это колоссальная сила подавления всех усилий пролетариата к самоосвобождению <...>.

Как быть? Поставленный таким образом этот вопрос заключает в себе свое собственное решение. Нужно разрушить консервативную силу буржуазию; нужно спасти сознание угнетенных от развращения буржуазией; нужно расшатать экономическое могущество буржуазии, на котором держится вся ее принудительная сила вообще и армия в частности; нужно иммобилизовать эту силу, своей мобилизацией иммобилизирующую прогресс. Вот вся суть так называемого антимилитаризма.

Стало быть, вопрос антимилитаристской пропаганды и деятельности является в высшей степени ясным и простым. И если бы он не осложнялся другим вопросом, вопросом патриотизма, то его решение само собою навязывалось бы пролетариату его собственным положением и логикой его повседневной революционной борьбы. Вопрос же патриотизма настолько осложняет вопрос антимилитаризма, что порою классовая сущность последнего совершенно ускользает от большой массы, неспособной владеть оружием анализа. <...>

Пролетариат живет под гнетом предрассудков, привитых ему целыми веками религиозного и государственного воспитания, и потому, порою, он больше верит в то, что составляет основу милитаризма, т. е. в патриотизм, чем сами господствующие классы; он, святотатственно поднимающий руку на все привилегии буржуазии, трусливо останавливается перед идеей отечества, перед этим якобы «общим», а не частным, классовым, достоянием. Потому не достаточно указать на зловредную роль армии

в борьбе пролетариата с буржуазией, нужно раскрыть также классовую сущность самого патриотизма, чтобы дать борцам за новый мир солидарного человечества полную возможность смелой и решительной борьбы за него. Нужно уничтожить призрака отечества, пред которым трусит пролетариат. Ему нужна вся своя смелость в борьбе.

* * *

«Количество всякого живого населения всегда соответствует количеству средств пропитания, находящихся в обитаемой этим населением стране».

История показывает, что этот вопрос пропитания и регулировал вопрос отношения народов к «территории». Там, где было сытно и тепло, там было и отечество. «Народ» шел за пропитанием; что превосходно показывает, что патриотическое чувство есть приобретенное свойство, «приобретенная привычка», как выражается Бакунин. Позднее, с установлением прочной оседлой жизни, народ как целое перестал двигаться, гоняться за пропитанием, ибо возникли границы, которые прежде, чем стать границами национальными, были «границами богатства», в которые стали стекаться «средства пропитания». Вместо того чтобы ходить за пропитанием, народ стал стягивать средства пропитания в рамках определенных территориальных границ.

Но если народ в целом и стал прикованным к месту, часть его, в виде отдельных индивидов, или даже целых групп индивидов, продолжала и продолжает гоняться за пропитанием, в котором ему отказывают в пределах данной территории. Так что вышеуказанный принцип сохранил всю свою силу для нашей эры цивилизации, которую, мы не сомневаемся, будущее человечество назовет доисторической, варварской эпохой.

«Голод это жестокий и непобедимый деспот, и необходимость питаться, необходимость чисто индивидуальная, является первым законом, главным условием жизни. Это основание всей человеческой и социальной жизни, точно так же, как и жизни растительной и животной. Восстание против необходимости питания равносильно отрицанию всей жизни, самоприговору к небытию»*.

---

* Бакунин. Полное собрание сочинений, т. I, стр. 191.

Повинуясь этому закону питания, этому «главному условию жизни», испанцы эмигрировали в Южную Америку, ирландцы и, главным образом, французы — в Северную Америку; эмигрировали из Азии в Европу, из Африки в Америку и т. д.

<...> Лишь те, чья жизнь не терпит нужды и лишений на родине, остаются верными ей, как хорошей дойной корове, но пусть тогда они и защищают ее границы, которые, как мы сказали, прежде всего, есть границы богатства.

* * *

Если имущественная дифференциация и распадение общества на классы влечет за собою непреходящую формацию государства, появление последнего влечет за собою появление патриотизма. Патриотизм, это государственная добродетель*, патриотизм это та религия, та вера, на которой держится государство.

«И в самом деле, что видим мы на продолжении всей истории? Государство было всегда принадлежностью какого-нибудь привилегированного класса: священнослужительского, дворянского или буржуазного; наконец, когда все другие классы истощаются, выступает на сцену класс бюрократов, и тогда государство падает или, если угодно, возвышается до положения машины. Но для существования государства непременно нужно, чтобы какой-нибудь привилегированный класс был заинтересован в его существовании. *И вот бдительный интерес этого заинтересованного класса и есть именно то, что называется патриотизмом*»**..

Буржуазия отдельный интерес привилегированного класса, т. е. свой собственный интерес — патриотизм — выставила за общее достояние, как является общим по мнению ее присяжных поверенных, отечество, религией которого служит патриотизм. Поэтому она так усердно и старается влить яд «государственной добродетели» в сознание каждого, в особенности в сознание угнетенных, — для себя она эту добродетель не считает обязательной, в случае если она не клеится с ее классовыми интересами. Но она, как черт святой воды, боится такого же отношения к патриотизму со стороны других классов общества, она не хочет, чтобы другие классы считали патриотизм также не обязательным для себя, каждый раз, когда он противоречит их интересам. Поэтому она

---

* Цитированные сочинения, ст. 186.

** Бакунин, цит. соч., ст. 189.

своим заинтересованным воспитанием, своей заинтересованной нравственностью, своей историей, сплошь состоящей из описания войн и истреблений «чужих» народов и патетического описания походов предков, «героически» защищавших родину, или геройски умерших за нее, постоянным напеванием, что свое собственное отечество лучше всех других отечеств, что оно греет и кормит, что оно поэтому должно быть сильнее других отечеств, что оно должно расширяться и увеличиваться даже ценой разрушения других стран, отечеств других народов, окружающих его и также стремящихся к расширению и величию, что интересы отечества — своего, конечно, — выше всех частных и общих интересов и что поэтому принести себя в жертву ему — высшее благо и добродетель; что его право выше всяких других частных и общих прав, что это неприкосновенная святая святых, нарушение которой должно быть наказуемо ценой тысяч и миллионов человеческих жертв, как по ту, так и по эту сторону границы, поэтому, говорим мы, она стремится развратить и отравить ум и сознание широкой массы, невежеством и послушанием которой она живет. Одним словом, буржуазия вырабатывает узкий коллективный национальный эгоизм, эгоизм слепой и жестокий, заставляющий ее называть у себя святым то, что у других она назвала бы варварством и преступлением. Это и заставляло Бакунина говорить: патриотизм, «это с одной стороны коллективный эгоизм, а с другой стороны война»*.

Итак, патриотизм — приобретенное свойство, приобретенная привычка, насаждаемая государством, искусственная религия условной лжи нашей цивилизации, и должен исчезнуть вместе с государством, добродетелью которого он является.

II

Территория, Государство, патриотизм — три элемента, создающие нацию. Немыслимо существование определенной политической территории без границ, а существование границ неммыслимо без государства, без государственной защиты. Государство, в свою очередь, неммыслимо без той государственной добродетели, без той религии государственности, которую мы называли патриотизмом. Территория, государство, патриотизм — всё

---

* Бакунин, Id., ст. 194.

это прямые последствия монополии богатств, эксплуатации, — следствия торжества принципа частной собственности, классовой структуры современного общества. Территория, государство, патриотизм — это основы вражды, войн, эксплуатации, каннибализма и видоизменений этого последнего: национализма, шовинизма. Поэтому все эти три элемента подлежат одинаковому коренному отрицанию со стороны революционного пролетариата, идеал которого не может быть ни национальным, ни территориальным, ни государственным. Его идеал полновластной жизни, всесторонней свободы может осуществиться лишь на земле, свободной от всяких политических границ, от всяких китайских стен, разделяющих людей и народы на враждебные лагеря, свободным и солидарным человечеством. Идея отечества и идея класса — это такие противоположности, примирение которых невозможно без грубого софизма.

«С точки зрения современного сознания, с точки зрения человечности и справедливости, которые, наконец, поняты нами, благодаря прошедшему развитию истории, — патриотизм является привычкой дурной, узкой и злополучной, ибо он является отрицанием человеческого равенства и справедливости. Социальный вопрос, практически выставленный в настоящее время рабочим миром Европы и Америки, и разрешение которого возможно не иначе, как с уничтожением границ государств, необходимо стремится искоренить эту традиционную привычку из сознания работников всех стран».*

К сожалению, это сознание пока еще не стало достоянием всех, оно принадлежит лишь небольшому авангарду пролетариата, но оно растет и расширяется. <...>

Одним словом, буржуазия своим собственным меркантильным космополитизмом, финансовым и реакционным интернационалом раскрывает рабочему глаза, и он видит, что то, что называли отечеством, то, что рисовали ему нераздельным общим сокровищем, есть такая же фикция, как и его гражданство, это абстракция, предназначенная для того, чтоб убить в нем человека, такая же ложь, как и его равенство перед законом, это абстрактное, фиктивное равенство, лишаящее его действительного конкретного равенства в жизни, такой же обман, как и его политическая свобода, которая большей частью сводится

---

* Бакунин, Id., ст. 200.

к свободе умереть с голоду, такая же мистификация, как свобода труда, которая выражается в неограниченной свободе его эксплуатации. Да, он видит теперь все это, он видит, какую гнусную и заинтересованную политику прикрывали словом патриотизм.

«Все гнусности, все жестокости, все нечистые дела, все программы имели своим девизом: Отечество!»

Ради этого слова нас держат взаперти, в продолжении трех лет, чтобы сделать из нас рабов, быть может, убийц, или жертв скотской грубости офицеров.

Ради отечества нас обременяют налогами; ради отечества у нас вымогают наши деньги; ради отечества мы, согнувши спину, работаем, как скоты, ежедневно по двенадцати и четырнадцати часов за голодную плату.

Чтобы национальные продукты одержали победу на международном рынке, национальные рабочие должны подыхать с голоду на работе. Однако же, наши хозяева, *хорошие патриоты*, нанимают постоянно иностранных рабочих, лишь бы они согласились только работать за меньшую плату, чем их товарищи, соотечественники их хозяев. Если наши хозяева находят заграничные товары или продукты в более выгодных условиях, они торопятся приобрести и употребить их.

Если есть возможность международного соглашения между хозяевами, для того, чтобы сильнее прижать и притиснуть рабочего, они не упустят ее.

Когда они хотят нам доказать, что мы должны оставаться бедными, слабыми, покорными, храбрыми и честными в труде, все тот же интерес отечества выставляется богатыми и хозяевами, чиновниками и правителями.

Слово “Отечество” пишется большими буквами на афишах, на которых кандидаты обещают те же реформы, какие обещали нашим отцам их отцы, нашим дедам их деды.

До тех пор, пока эта дурацкая религия Отечества будет продолжать морочить нашу голову, т. е. пока мы не увидим ясно игру ее попов, мы будем оставаться рабами.

Довольно лжи, абсурдов и недоразумений, пора покончить с этой злостной комедией.

Пора закрыть рот раз навсегда тем людям, которые то и дело говорят нам: отечество требует, страна требует.

Отечество — это мы сами, или это ровно ничего.

А никто не может знать лучше нас самих, что нам нужно.

Отечество, это только слово. Этим словом была создана армия, этим словом она держится»*.

Многое, может быть, покажется преувеличенным в этом крайнем анти-патриотизме; но это только истина, выраженная несколько грубо. Пусть господствующие классы убедятся, что угнетенные отказались от защиты их отечества, пусть эта самая грубость будет залогом того, что границы, ограждающие богатства буржуазии, остаются без стражи. Защита нации, культуры, прав и т. д., это лишь слова, ничего этого не защищает каста священнослужителей религии патриотизма — армия. Армия это сила существующего порядка вещей, установленного в интересах немногих. Армия нужна не для защиты культуры и человеческих прав, она такой роли никогда не играла до сих пор, она служила для разрушения всех культур, возникших как по ту, так и по эту сторону границы; внутри она была враждебна всяким новшествам, всякому «обобществлению права», вне — она действует угрозой и притеснением. Она нужна для внутренней войны, для защиты капитала против нашествия «внутренних варваров», она нужна для защиты рынков, для обеспечения гегемонии за национальными капиталами.

* * *

Правительства всех стран уверяют друг друга и свои собственные народы, что хотят мира, что хотят следовать политике мира и прогресса, соблюдать принятые и подписанные контракты; но ни одно из них не верит уверениям другого. Они лучше, чем всякий другой, знают цену этих уверений. Они напевают слова мира, говорят о политике мира и прогресса и... готовят войну. Военный бюджет растет ежегодно с поразительной быстротой.

Человек, понявший всю высшую силу культуры и цивилизации, должен был бы провести всю свою жизнь в усилиях освободиться от атавизма варварства, убить в себе всякое чувство вражды, войны, насилия и грубости. И вот государство, этот исполнительный орган буржуазии, которое имеет своей миссией якобы подавление насилия и грубости, забирает себе молодых людей на 21-м году жизни, в расцвете сил, т. е. тогда, когда они становятся людьми, производителями, и превращает их из общественных работников и производителей в защитников

---

* «Nouveau Manuel du Soldat», издание Federation des Bourses du Travail.

частных прав и интересов, приучает их к идее войны, убийств, истреблений, поджогов, насильований, и после трех или четырех лет этой варварской жизни и варварского воспитания, бросает их, потерявших привычку к труду, развращенных нравственно и почти всегда расслабленных физически, на произвол судьбы, вменяя им еще в обязанность оставаться верными своим эксплуататорам, пока могут держать оружие. Эта подготовка людей к преступлению со стороны государства, оправдывающего свое существование необходимостью борьбы против преступления, на первый взгляд кажется необъяснимым противоречием. В действительности же тут нет никакого противоречия. Дело в том, что государство считает преступлением лишь насилия, направленные против тех классов и интересов, представителем которых оно является, но оно одобряет и организует всякое насилие, оправдывает всякое преступление, в которых господствующий класс находит укрепление, расширение и углубление своих прав.

Вопреки всяким песням о мире, армия растет, растет военный бюджет изо дня в день. Этот рост неизбежен, вследствие роста риска капитала на внешнем рынке, вытекающего из упорной постоянной конкуренции других капиталов на том же самом рынке. Другая причина роста армии заключается во все растущей опасности, которая начинает грозить капиталу со стороны внутренних врагов.

Под влиянием тех и других причин вооруженный мир превращается в колоссальный обман. <...>

Тузы крупной промышленности, финансовые плуты знают о грядущей войне задолго до ее действительного взрыва, а порою сами и готовят ее. Часто эти войны прикрываются магическими словами, скорлупою великих идей <...>. Возникают эти войны под разными предлогами, проявляются в различных формах. Так, напр., бывают войны завоевательные, войны равновесия, войны политические, войны религиозные, войны для защиты национальной чести, оскорбленного национального достоинства. В чем же действительные причины всех этих войн? «В основании всего этого, под всеми лицемерными фразами, которыми пользуются, чтобы придать себе внешний вид человечности и правоты, что такое мы находим? Всегда один и тот же экономический вопрос: *стремление одних жить и благоденствовать на счет других*. Всё остальное лишь притворство. Невежды, простецы и дураки даются на эту удочку, но ловкие люди, управляющие

судьбами государств, знают очень хорошо, что в основании всех войн есть только один движущий повод: грабеж, завоевание чужого богатства и порабощение чужого труда.

Такова жестокая и грубая действительность, которую добрые Боги всех религий, Боги войны всегда благословляли; начиная с Иеговы, вечного Отца Господа нашего Иисуса Христа, который приказал своему избранному народу избить всех жителей Обетованной земли, — и кончая католическим Богом, представленным попами, которые в вознаграждение за избиевание язычников, магометан и еретиков, подарили землю этих несчастных их счастливым убийцам, еще дымящимся в их крови. Для жертв — ад; для палачей — имущество и земли убитых — такова цель самых святых войн религиозных»*.

И пролетарий должен сделаться соучастником этих войн? Почему? Должен присутствовать при этих колоссальных драках, в качестве отчасти зрителя, большей частью жертвы, которая с послушностью овцы идет на место заклания? Почему? Разве он питает какую-нибудь ненависть против того или иного народа, говорящего на другом наречии, носящего другое платье, чтобы броситься на него, выжечь, изнасиловать, избить, погрузить целую страну на целые годы в траур и слезы, нищету и унижение? Разве у него есть какой-нибудь существенный жизненный интерес поступить так? Напрасно он будет копать в своей голове, он не найдет утвердительного ответа на этот вопрос.

Другое дело буржуазия; она ведет эти войны не потому, что у нее существует прирожденная любовь к крови, к бояням; может быть многие из ее среды индивидуально, очень искренне встают против войны и вызываемых ею ужасов, но их индивидуальная воля бессильна: необходимость войн вытекает из самого классового характера современного общества, поддерживаемого буржуазией. Не отдельный буржуа, а классовый интерес буржуазии создает основания войне; не отдельные буржуа хотят войну, а интерес класса повелевает ее и подчиняет себе частные воли. Война — одна из функций капитала; рост капитала является детерминантом ее. Хотят ее или не хотят отдельные личности, она все-таки будет происходить, — власть капитала нуждается в ее поддержке. <...> Пролетариату нечего делать в этих войнах, — вершители их руководствуются не его, а своими собственными

---

* Бакунин. Id. ст. 206.

интересами и ведут их в своих собственных интересах. И как бы они ни кончились, результаты их лягут на него тяжелым ярмом. Война колониальная, война религиозная, война политическая, война завоевательная, — всегда сводится, так или иначе, к войне против него. По ту или эту сторону границы, а чаще по обе ее стороны, он платит за разбитые горшки жизнью, налогами, большим угнетением, большей нищетой. Ему эти войны не нужны, не нужна ему и армия. Ему нечего бояться нападения, нечего у него отнять, ему также нечего и защищать. Из всех видов войн он может признать только гражданскую войну, где он может выступить под знаменем нужды и интересов своего класса: тут он не будет вести войну для других и за других, он не будет защищать границы и территории богатств буржуазии, тут он будет вести войну для себя, он будет защищать территории революции от всех нападений, с какой бы стороны они ни шли. Эти нападения могут прийти от внешнего врага, но чаще они идут от внутреннего врага.

Буржуазия часто обращается с призывом в трудные для себя минуты, во время гражданских войн к тем, кого в мирное время рисует «наследственным» врагом, к своим братьям по интересу, к буржуазии других стран, для подавления внутреннего врага — своих собственных соотечественников, взбунтовавшихся производителей. Свои интересы мировая буржуазия считает едиными, независимо от границ. То же самое право требует для себя пролетариат, интересы которого также едины, независимо от всяких границ и, кроме того, коренным образом противоречат интересам буржуазии. Он представляет собой независимый от буржуазии мир и у него нет общего с ней отечества. Отечество, которое рисуют ему общим и нераздельным сокровищем всех, не есть его отечество; и защиту его он предоставляет тем, кому оно сладко, кому в нем сытно и тепло. У него есть другое отечество, совершенно отличное от того, что на языке присяжных поверенных буржуазии называется отечеством. Его отечество — это новый мир, растущий в среде мирового пролетариата; это его идеал. Его территория — это поле его революционной освободительной деятельности; его добродетель — смелость в борьбе за свободу. Эту добродетель он и будет практиковать; это отечество, эту территорию он и будет защищать с одинаковой энергией, как против внешних, так и против внутренних врагов, т. е. как против иностранной, так и против своей буржу-

азии. Пролетариат раскрыл тот страшный «заговор», который под предлогом любви к отечеству, под предлогом патриотизма, этой «государственной добродетели», принуждал его ценою своей жизни, нищеты и унижения, защищать свое собственное рабство, свою собственную эксплуатацию. Когда теперь ему говорят о возможной войне, он думает о возможных коммунах, которые он готовится защищать от всех будущих, внутренних и внешних Тьеров и Бисмарков.

